

Юрий Шапка

ФЁДОРЫЧ

повесть

о неугомонной душе русской

Издание 2-е

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
И ПУТЕШЕСТВИЯ

Юрий Шапка

Москва
2017

УДК 82-3
ББК 84
Ш23

Художник Ф. Е. Барбышев (обложка)

Юрий Шапка

Ш 23 ФЁДОРЫЧ. Повесть о неугомонной душе русской. – М.,
Юрий Шапка, 2017. – 624 с.

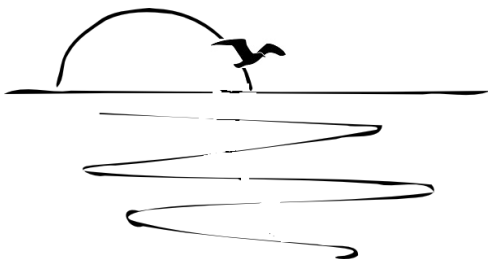
Книга о бывалом шофёре. Фёдорыч любит выпить, любит женщин. Он любит жизнь и дорогу. И жизнь любит его. С ним весело и надёжно. Его неугомонной душе русской тесно в Москве, и он рвётся в тайгу. События в романе показаны глазами молодого напарника, что мечтал о Якутии. Фёдорыч сразу взял шефство над молодым товарищем. Илье пришлось одолеть огонь, водку и медные трубы. В тайге он встретил медведя и свою любовь.

Сейчас о прошлом много напраслины гнут. Советская жизнь была своеобразной, а жизнь в Сибири тогда была своеобразием в своеобразии. Роман же этот – живые приключения напарников.

ISBN 978-5-519-50398-3

© Ю.М. Шапка, текст, 2017
© Ф.Е. Барбышев, обложка, 2017
© В.Г. Ковалевский, верстка, 2017

*Марине Рубцовой – моей милой
и все претерпевшей жене, дорогим
родителям, сыну Александру и всем,
кому я дорог.*

Не вино осуждай, а пьянство...

Дерзнуть и простые люди могут не раз, но не все способны в нужное время так поступать.

Иоанн Златоуст

В ДОБРЫЙ ПУТЬ, ЧИТАТЕЛЬ!

Лев Успенский говорил, что каждое слово в нашем языке, в котором есть буква «ф» пришло к нам из других народов. То же и с нашими именами собственными. Например, наше имя «Фёдор» означающее «божий дар», пишется через «ф», в то время как на Западе оно превратилось в «Теодор». Это произошло потому, что имя «Фёдор» быстро стало на Руси родным, русским именем и потеряло всякий привкус чужеземности.

* * *

Вообще в славянской азбуке было две буквы для обозначения звука «ф» – «ферт» и «фита», но это была настоящая путаница! Имя «Филипп» тогда писались через «ферт», а «Фёдор» через «фиту».

* * *

Книга, которую вы открыли, начинается со столь удивительной буквы в русской азбуке, ведь главный герой этого романа именуется Фёдорычем. Так что чужеземного здесь ничего нет. С чудной буквы «ф» берёт начало повесть о неугомонной душе русской...

Часть первая

ЧУЛЬМАН

НАПАРНИКИ

Я уверен, что эти полторы декады пройдут у нас с вами в атмосфере дружбы и полного взаимопонимания.

Леонид Гайдай и др., сценарий «Напарник»

– Держись, сынок! – заглушая шум колёс, Фёдорыч во всё горло прокричал молодому напарнику, впервые попавшему в непростую дорожную передрагу. А надо заметить, что такая чертовщина не каждому придётся по зубам...

– К борту, к борту давай! – Старик зверски сжимал локоть парня, точно храня того от верной беды. Другой рукой он мёртвой хваткой вцепился в деревянный край железнодорожной платформы. Парень тоже вытянул руки вверх и со всей силой ухватился за спасительную доску. Кореша тряслись между вагонами, еле держась на узкой железной приступке.

Уверенно и тяжело набирая силу, поезд оставил станцию и шёл по лазурному морю полевых цветов, а им конца и края не видать. Илья прикрыл глаза. Качало, словно он попал в шторм на маленьком ветхом судёнышке, и, казалось, уже закручивался над головой пенный валище...

Он открыл глаза: яркие синие волны бежали по залитому солнцем простору. Море колокольчиков волновалось до самого горизонта, сливаясь с высоким небосводом, где из самой его глубины яро палило дневное светило. Тата́-тата́, – мелькали шпалы, нагретые дневным зноем. Терпко пахло железной дорогой, и дорога эта стальной стрелой уносила в бесшабашную зовущую даль.

Фёдорыч всё что-то кричал, а Илье напекло голову, и он прижался к высокому борту, ища защиты от солнца в его тени. Руки понемногу немели. С трудом улавливались слова, тупо складываясь в речь: «Ста-

рый что-то орёт... за борт держись... делай как я... как медленно время... хорошо, что... эта тень. Кажется, шас металл расплавится...»

– Вниз не смотри! Голова закружится! Делай, как я!

– Что?

– Давай, за мной!

Хмельные друзья шумно и напористо возвращались к себе. Автомобиль, закреплённый на платформе, ждал их и притягивал словно гигантский магнит. Напарники покинули коллег-шоферов, что который день напропалую кутили через шесть вагонов. На четырёх низких платформах были закреплены автомобили бражников, а другие два – с большими бортами и открытым верхом – катили пустые. Их куда-то перегоняли.

Перестук колёс медленно и тяжело убыстрялся. Похоже, жара сковала поезд, не позволяя тому ускорить ход. Напарники ладно прошли через все низкие платформы с машинами. Переходить с низкой платформы на низкую для них дело пустяшное. Там нагнулся, как надо подставил ногу, – и рукой достал соседний борт. Платформу перебежал, и опять по новой. С низкой залезть на высокую тоже не представляло труда.

Они уже миновали высокий товарный вагон. Оставалось теперь перелезть с высокого вагона на высокий. А это уже требовало большой сноровки, так как от борта до борта попросту не хватало длины рук. И вот перед ними во всей красе последний пустой вагон с высоченными стенками, края которых можно достать только вытянутыми руками, да стоя меду вагонами на сцепке и не держась ни за что руками. А состав, словно дикий конь, метался под ногами и норовил всё на дыбы встать, чтобы сбросить седока.

Последний вагон, и они, наконец, окажутся дома – а там, словно огромный преданный пёс, их с нетерпением ждал ухоженный автомобиль, в котором им предстояло провести десятки дней и ночей, пока поезд не доставит их к месту назначения, да и потом дом на колёсах не раз выручал из беды.

Фёдорыч вытянул ногу и нащупал малый круглый выступ, что соединяет вагоны. Под железкой этой виднелись толстенные цепи и провода, что тянулись через весь состав. Кругляш метался, ускользя из-под ноги. Годами он был отполирован, чисто стёртая старинная медь. Нужно было от борта платформы, где они еле-еле поместились на железной ступеньке, дотянуться до края следующего вагона. Из-за своего малого роста Фёдорыч порядочно не доставал до заветной стены. Здесь требовалось мастерство, отточенное годами. Вот он отнял руки и шаг-

нул на вертлявый пяточок, куда едва могло поместиться полступни. Он уже перенёс на него центр тяжести и, подобно акробату, замер на одном лишь мыске. Теперь оставалось подать тело вперёд и переметнуться к высокому борту. Он уже вытянул вверх руки, готовясь уцепиться за вожделенную высокую стенку, но в последний миг состав резко качнуло, и подвыпившего наставника, подобно циркулю, тут же развернуло на одной ноге лицом к степи. А шаг он уже сделал...

Илья увидел, как тот ступил в пустоту прочь от поезда и, словно циркач, кувыркнувшись в воздухе, чётко приземлился на пятую точку. Стук колёс и грохот буферов волной хлестнули через борт. Пенный вал, что застыл над головой, вдруг ожил и обдал трезвой водой. Илья встрепенулся и ещё сильнее сжал край борта.

– Илю-ха, эй!.. – сидящий под насыпью Фёдорыч выкинул к нему руку и стал уменьшаться, пока не скрылся за поворотом.

Живой! – Илья глубоко вдохнул, подтянулся и, перекинув ноги, спрыгнул на роковую площадку. Слёзы проступили, мешая ему смотреть. «Он рукой махнул, а я...» – И дальше такой компот смешался в его голове, что он замотал ею как бычок, пытавшийся скинуть с себя наброшенное ярмо.

И так захотелось вернуть всё на свои места!

Колёса рассыпали дробь, перестук на стыках слышался то спереди, то сзади. Хмель прошёл. Илья подставил лицо степному ветру. Пахло горькими травами, дальними странами и сладкой свободой. Он стоял на открытой железнодорожной платформе возле закреплённого экспедиционного автомобиля ГАЗ-66. На дверце красовался земной шар, и вокруг него гордо змеилась надпись: «ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ АН СССР». Этой эмблеме когда-то завидовали все романтики рода Москвы.

Тёплый май простирался над степью и уходил за горизонт. Огромное, красное, слегка приплюснутое солнце замерло в небе. Оно никак не хотело закатиться и отбрасывало длинные тени на молчаливые оранжевые пески, бежавшие вдоль путей. Вот колёсная дробь сложилась в долгий железный ход. Маленькой станции и след простыл. Эшелон набрал скорость и шумно летел на восток, к самому краю нашей огромной страны, а где-то там, за далёким большим изгибом, остался Фёдорыч.

Илье в тот день исполнилось двадцать. Он давно мечтал попасть на Дальний Восток. И вот, с каждой минутой, мечта его становилась

всё ближе. Ему пришлось побегать в поисках работы, прежде чем стать сотрудником геологического института, проводившего изыскания в Якутии. Это случилось сразу после армии. В командировочном удостоверении значилось, что он – коллектор лаборатории литологии и стратиграфии терригенных пород Института геологии АН СССР. Это была первая в его жизни работа, первый полевой сезон. Они с Фёдорычем вперёд всех выехали к месту работ, выполняя важную задачу – сопровождать экспедиционный автомобиль. Кто ленился это делать, как правило, получал разграбленную машину. А то и вовсе приходил пустой вагон. Напарники следовали на станцию Сковородино. Оттуда начинался Малый БАМ, район, где планировалось проведение исследований. Эту одинокую северную ветку магистрали ещё только строили.

Месяц назад на эту станцию заглянул Брежнев. Нет, сказать надо в духе того времени: станцию посетил Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Леонид Ильич Брежнев. По его призыву в марте семьдесят четвёртого в прибайкальскую тайгу двинулись первые армии добровольцев. Для непосвящённых это звучит правдоподобно. А то, что о северном Транссибе мечтали лучшие умы России ещё в позапрошлом веке, а перед Первой мировой царские картографы даже успели прочертить трассу на карте, уже никто не помнит. Как не помнят управление БАМЛИАГа, осевшее там ещё в тридцатых. В те года у вольных гражданских изыскателей эстафету подхватили заключённые. Впрочем, давно это было.

Совершая вояж через всю страну, Брежнев сделал остановку в Амурской области. Он подарил строителям свои творения «Малая земля» и «Целина» и выступил с речью. Леонид Ильич читал по бумажке, сбивался, часто теряя строчки и мысли. «Целина, гм, – говорил Генеральный секретарь, – не кончается это... Казахстанскими степями (*аплодисменты*). Целина – это тайга Сибири... тундра Севера... это пустыни Средней Азии. Чтобы быть более конкретным, назову лишь один из проектов. Это... а-а... это – Байкало-Амурская магистраль (*бурные, продолжительные аплодисменты*)... железная дорога, которая пересечёт всю Восточную Сибирь (*аплодисменты*)... и Дальний Восток (*аплодисменты*)... Строительство этой железной дороги, которая проржавеет... нет... которая прорежет сибирский массив с его неисчерпаемыми-ми-ми природными богатствами... открывает путь к созданию нового крупного промышленного района... вдоль него вырастут посёлки и города (*бурные аплодисменты*)... промышленные предприятия и рудники... ки...

будут, разумеется, вспаханы и пущены в оборот...» (*бурные аплодисменты*). Народ втихаря радовался, когда дряхлеющий Брежнев произносил «да здравствуют социалистические страны» – слышалось, как «сосиски сраные». Мало кто помнит, а ещё недавно Леонид Ильич был сильным руководителем могучей страны. Ведь он прошёл очень большой путь и, начиная со сталинских годов, сумел пробиться на самый верх. А значит обладал сильной волей и организаторским талантом. Но запоминается, как говорил Штирлиц, последняя фраза...

Путь напарников лежал в далёкую Якутию. Документы они замотали в целлофан и пристегнули булавками к внутренним карманам брезентовых курток. Фёдорыч сначала сам запрятал, а потом заставил Илью проделать ту же процедуру.

– Ни при каких обстоятельствах не разлучайся с курткой, – наставлял он. – Даже когда в туалет пойдёшь. А спать будешь, так куртку сворачивай и под голову. Понял? В армии военный билет где держал? Вот и это храни у сердца!

На Илюхином командировочном удостоверении он карандашом начертил номер своей машины, поезда, железнодорожной платформы и эшелона. Бывалый шофёр с первых дней знакомства взялся опекать парня, словно сына.

– Мы с тобой кто? – подмигнул шофёр. – Напарники. – И, по-учительски подняв палец, добавил: – Сопровождающие. Пятнадцать суток будем ехать. Бывал в милиции?

– Не-а. На «губе» бывал.

– Чё там забыл?

– В самоволке поймали.

– К девкам, что ли, бегал?

Илья улыбнулся и промолчал.

– Вливаешься ты теперь на полную, на пятнадцать. Полторы декады, значит, а может, и целый месяц. А я буду из тебя человека делать. Воспитывать. Вот так. Считай, что пятнадцать суток получил.

– Думаешь, это мне дали? – хмыкнул Илья. – Нет, дядя Петя, это нам с тобой вместе пятнашку впяли. А для чего? Чтобы ты вёл среди меня разъяснительную работу, а я рос над собой.

– Я те разъясню, всё разъясню. Ремень достану и так разъясню! Запомни – я сам артист больших и малых театров, и эта роль – моя. А ты – мой Санча-Панча. Любимый стакан будешь за мной носить. Ты за рукой следи, салага. Наливай!